

УДК 008

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ И ФОРМЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ТЕХНО-ПРОГРЕССИВИЗМ, ТРАНСГУМАНИЗМ И ЦИФРОВАЯ УТОПИЯ

Т.Б. МЕДВЕДЕВА*Южный федеральный университет**e-mail: hmellmaya@mail.ru*

В данной статье анализируются перспективы рассмотрения феномена утопии в её многообразных социокультурных сценариях и формах представленности, в частности, рассматривается технологическая версия современных утопических представлений, а также их формы репрезентации в современной культуре на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и цифровой утопии.

Ключевые слова: утопия, идеальное общество, трансгуманизм, цифровая утопия, технологическая утопия.

Введение. Сегодня, в начале XXI, да и на протяжении всего XX века, исследовательский подход к феномену утопии носит вариативный характер в своих методологических приоритетах, и не ограничивается жесткими рамками какой-либо философской системы или идеологической программы. Последнее обстоятельство открывает перед современными исследователями широкие перспективы рассмотрения феномена утопии в её многообразных социокультурных сценариях и формах представленности.

Давно назревшая потребность рассмотрения возможных версий трансформации утопии в пространстве современной культуры, воплощается в тенденции нового понимания и интерпретации утопии вне её привязки к классическим новоевропейским литературным шаблонам, социальным и политическим просвещенческим проектам и критическим антитоталитарным рассуждениям (К. Кумар¹, З. Бауман², П. Лассман³, К. Дэвис⁴, М. Паркер⁵ и др.). Несмотря на различия в методологических установках, данные авторы сходятся в толковании утопии как специфического вида социального воображения, которое принципиально свойственно западной манере мышления.

Опираясь на вышеуказанную теоретическую позицию, в данной статье автор ставит перед собой цель – рассмотреть технологическую версию современных утопических представлений, а также их формы репрезентации в современной культуре на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и «цифровой утопии».

Одним из ведущих, но малоизученных в отечественной гуманитаристике направлений, доминирующем в исследованиях современной утопической традиции выступает концепция «техно-утопизм». Данная концепция получила широкую известность и популярность на Западе, где она по праву, сегодня может считаться магистральной идеологической конструкцией, демонстрирующей актуальный этап развития представлений о природе утопических идей. Она основана на убеждении, что наука и технология, в конечном счете, приведут к созданию техно-утопии: будущего общества с условиями жизни, приближёнными к совершенным. Техно-утопия является изображением идеального общества, в котором закон, правительство и общественный строй функционируют исключительно для выгоды и благосостояния всех его жителей, а передовая наука и технология позволяют такому сообществу сформироваться на базе современной цивилизации и успешно развиваться в будущем.

¹ Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. Oxford: Blackwell. 1987; Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/63>

² Bauman Z. Utopia with no Topos// History of the Human Sciences, 2003, №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/11>

³ Lassman P. Political Theory as Utopia// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/49>

⁴ Davis, J. C. Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing 1516–1700, Cambridge: Cambridge University Press, 1981

⁵ Utopia and organization. Ed. By Martin Parker. Blackwell publisher. 2002

Классический техно-утопизм и рационализм связывались с демократическими, революционными изменениями на протяжении уже практически двухсот лет: так, например, Р.Оуэн, Ш.Фурье и А.Сен-Симон в начале 19-го столетия вдохновили идеологию коммунизма с его видением будущего исключительно в ракурсе научного и технологического развития человечества, рассматривающего и использующего «рацио» как аналог светской религии. Эту же тенденцию можно наглядно зафиксировать в утопическом социализме Э.Беллами с его технологическом уклоном, который имел огромное влияние на большинство социалистических движений своего времени. Э.Беллами концентрирует особое внимание на организации нового идеального общества будущего, выстроенного на платформе тотального доминирования национализированной промышленности (промышленной армии и «националистической лиги») и рационально гармонизирующей индивидуальные, эгоистические стремления и наклонности человеческой личности с интересами блага технологически модернизированного общества.

Современный техно-утопизм получил новый импульс в 1990-х годах, особенно в США, где данная форма техно-утопизма отразила веру в то, что технологическое изменение реконструирует человеческое сообщество, и что цифровая технология – «диджитопия»⁶, в особенности Интернет, способны увеличить личную свободу, освобождая человека от бюрократических правительственных влияний, традиционных социокультурных иерархий и устаревших социальных схем и порядков индустриального общества. Современные идеологии техно-утопизма ориентированы в базовое положение – отмену государственного контроля и превосходство свободного рынка (самыми знаменитыми представителями современного техно-утопизма являются Джордж Джилдер⁷ и Кевин Келли⁸).

Принципы современного техно-утопизма метко и содержательно определил Бернард Джендрон⁹:

1. мы являемся свидетелями и участниками новейшей революции в области современных технологий, которые радикально изменяют облик общества;
2. в постиндустриальном обществе технологический рост будет только повышаться и интенсифицироваться;
3. в постиндустриальном обществе технологический рост приведет к исчезновению экономического дефицита и появлению новой сферы сетевой экономики;
4. устранение экономического (потребительского) дефицита приведет к устранению всех социальных проблем: «Железо и хлам будут подчиняться законам софта, автомобили будут следовать правилам сетей, трубы будут исполнять все, что нужно с помощью собственных знаний. Если вы хотите представить себе, где будет будущее вашей отрасли, представьте себе, что бизнес целиком будет построен вокруг программ, даже если в данный момент вы видите, что он основан на чем-то физическом¹⁰».

Современная традиция техно-прогрессивизма активно идеологически и информационно поддерживает развитие новейших технологий (собственно, для пропаганды и популяризации этих идей и была создана в 1997 году Всемирная трансгуманистическая ассоциация¹¹ Ником Бостромом¹², как сообщество учёных, исследователей и философов) как необходимого основания для социального совершенствование, опирающееся на открытия и достижения в области генной инженерии, кибер-изделий и нейрофармакологии в частности. Техно-прогрессивизм рассматривает рост научного знания и накопления технологических мощностей как условие для социальных преобразований, которые должны обязательно сопровождаться справедливым распределением затрат и льгот новых знаний и мощностей.

⁶ “Digitopia” термин, использованный в книге DeGrandpre R. Digitopia. The look of the New Digital you, 2001

⁷ Gilder G.F. Telecosm: How Infinite Bandwidth Will Revolutionize Our World. N.Y.: Free Press, 2000

⁸ Кевин Келли. Новая Экономика. Мир без технологий. <http://kevinkellyeconomy.blogspot.com/2009/03/kevin-kelly-mir-bez-tehnologiy-chast-1.html>; Кевин Келли. Новые правила для новой экономики. Двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире Знание-Сила. №4, 1998

⁹ Gendron, Bernard (1977). Technology and the Human Condition. St.Martin's Press

¹⁰ http://en.wikipedia.org/wiki/Technological_utopianism#cite_note-Gendron_1977-10

¹¹ <http://humanityplus.org/>

¹² Bostrom, N. Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy” (Routledge, 2002

Трансгуманизм является международным интеллектуальным, идеологическим и культурным движением, поддерживающим использование новых научных знаний и технологических возможностей, имеющим базовую цель – усовершенствование человеческой анатомии и познавательных способностей. Эта цель предусматривает избавление человека от тягот болезней и старения его организма, расценивая последние как необязательные и возможно исключаемые аспекты человеческого существования. Идеология трансгуманизма постулирует, что человек в результате подобных научно-технологических превращений должен стать сверхчеловеческим существом с весьма расширенными способностями, трансформируясь в пост-человека. Трансгуманизм представляет широкий диапазон перспектив, стремясь воплотить, по версии одних исследователей, самые идеалистические стремления человечества, а, по версии других исследователей, самые опасные идеи в мире.

Ник Бостром видит культурные истоки утопической идеологии трансгуманизма, выраженные в человеческом желании приобрести новые антропологические формы и содержательные характеристики именно в культурной традиции восходящей к эпохам Возрождения и Просвещения, указывая на то, что генетика и другие передовые науки подарили человечеству невероятные возможности.

В настоящее время трансгуманизм определяется как интеллектуальное и культурное движение, которое утверждает, что возможность и желательность фундаментального улучшения и изменения человеческого существования доступны посредством прикладной технологической практики, которая способна устранить причины старения и увеличить человеческие интеллектуальные, физические и психологические мощности. Философы и идеологи¹³ трансгуманизма считают необходимым для человечества войти в фазу постчеловеческого развития, которая определяется как фаза существования, в которой люди сознательно участвуют в развитии и совершенствовании, и где естественное развитие заменено планируемым и преднамеренным изменением.

Представители традиции трансгуманизма для обоснования своих концептуальных положений привлекают различные междисциплинарные подходы к исследованию и оценке возможностей преодоления психо-биологических ограничений человеческой природы. Трансгуманизм рассматривает одной из подобных стратегий – идею совершенствования нервной системы и модификации мозга человека, которые являются первичным центром трансгуманистических преобразовательных амбиций как ключевые показатели возможности преобразования человеческой индивидуальности. Трансгуманисты оптимистически оценивают прогрессирующие сегодня технологии, такие как нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, новые исследования когнитивистики, а также гипотетические будущие технологии, такие как моделируемая действительность, искусственный интеллект, «загружаемый разум» и крионику. Представители рассматриваемого направления полагают, что люди должны использовать эти технологии, чтобы стать пост-людьми, признавая необходимость морфологической свободы в качестве одной из гражданских свобод, чтобы гарантировать людям, возможность выбора в области принятия формы либо киборга, либо сверхчеловека либо постчеловека, которые представляются как следующие существенные эволюционные шаги для появления человеческих разновидностей. Технологии и наука, по мнению трансгуманистов помогут осуществить человечеству подобный качественный скачок.

В пределах направления трансгуманизма существует множество различных течений, которые постоянно пересматриваются и развиваются: анархотрансгуманизм, христианский трансгуманизм, демократический трансгуманизм, экстропианизм, постгендеризм, сингуляритаризм, социалистический трансгуманизм.

Тема трансгуманизма ярко присутствует в литературных формах – современная научная фантастика представляет множество утопических сюжетов, где присутствует сценарий технологического улучшения и совершенствование человеческой природы и

¹³ Ettinger R. C. W. Man into superman; the startling potential of human evolution—and how to be part of it. New York: St. Martin Press, 1972 <http://www.cryonics.org/contents2.html>; Hanson R. Burning the cosmic commons: evolutionary strategies for interstellar colonization, 1998 <http://hanson.gmu.edu/filluniv.pdf>; Bostrom N. Transhumanism—the world's most dangerous idea?, Betterhumans 10/19/2004

жизненного уклада как такового, либо же дистопические предостережения, воплощающиеся в пессимистических сценариях будущего. Киберпанк наиболее полно отразил в себе сюжеттику трансгуманизма, найдя свое воплощение и в современной литературе и в кино. Многие формы современного искусства, включая скульптуру и живопись, также активно представляют эмблематические трансгуманистические утопические или дистопические нарративы¹⁴.

Локализация и укоренение утопических сюжетов и мотивов в современном междисциплинарном дискурсе характерно, прежде всего, для западной традиции исследования. Некоторые из них строятся на привлечении широкого и сложном теоретического философского и сциентического обоснования. Типичным образцом подобной артикуляции современной биологической и медицинской утопии могут служить данные тезисы и «...принципы движения трансгуманизма. Официально зародившийся в 80-е годы 20 века и популяризируемый профессором философии из Оксфорда Ником Бостромом, трансгуманизм предлагает междисциплинарный подход к пониманию и оценке возможностей усиления и совершенствования потенциала человеческого организма, который становится возможным, благодаря техническому прогрессу. Трансгуманизм рассматривает человеческую природу как work in progress, принципиально незавершённую, которую мы способны научиться изменять в соответствии со своими желаниями. Настоящее человечество не должно быть конечной точкой развития. Трансгуманисты надеются, что последовательное и ответственное использование науки, технологии и всего потенциала рациональных подходов, создаст условия перехода от человека к постчеловеку, существу со значительно расширенными возможностями и способностями¹⁵».

Ориентированные на современные разработки и открытия в области молекулярной генетики подобные исследования констатируют возникновение новых горизонтов для физиологического, когнитивного и психологического конструирования. Конструирования, которое, по сути, будет носить характер новейшей антропологической формовки, основанной на идее доступности и принципиальной открытости генетических механизмов, определяющих не только поведение людей, но и их природу. Эти концепции неминуемо принимают узнаваемые утопические черты, как только в них начинают звучать широкие футуристические обобщения по поводу неизбежности и обязательности не только «статических корреляций между социальными поведенческими и генетическими характеристиками человека», но и ведётся речь о «построении всеобщей молекулярной архитектуры личности». Говоря об актуальности сегодня биологической и медицинской утопии, можно выделить как минимум два магистральных направления мысли:

- размышления о возможности направленного влияния на эволюцию человечества в целом, эта мысль стереотипно связана с идеей репродуктивного клонирования индивидов с общественно важными генетическими характеристиками;

- идеи более мягкого вмешательства, связанные с корректировкой социально маркированной «поведенческой» аллели, влияющей, по мнению учёных, на характеристики этнопсихологических особенностей.

Третьим ведущим направлением воплощения в современной культуре технологических утопических представлений является становление и развитие идеи информационного общества (общества знания) и связанной с такой общественной типологией идеологии Digitopia – «цифровой утопии», как неминуемой перспективы технологического совершенствования неолиберальной традиции. Те параметры и примеры, которые характерны для неолиберальной экономической модели (принципиальная открытость внутренних рынков мировым, формирование международных цен и стандартов, подвижность ресурсов, рабочей силы, прибыли и т. д.) невозможны без существования тотальной информационной сети.

Только наличие подобной информационной сетевой структуры делает возможным реализацию вышеобозначенных экономических параметров, что позволяет ряду современных исследователей неразрывно связать и напрямую ассоциировать процесс ста-

¹⁴Vita-More N. Transhumanist arts statement, 2002, <http://www.transhumanist.biz/transart.htm>

¹⁵ См. Pere Gallardo Torrano. The body as utopia: Gattaca, by Andrew Niccol (1997) – Spaces of Utopia, 2007 pp. 45-98 // www.ler.letras.up.pt

новления информационного общества с процессом распространения тотальной претензии неолиберальной экономико-политической идеологии в современном мире. В данном случае информации приписывается выдающийся, уникальный трансформационный потенциал, с невиданным доселе характером воздействия на экономическую и социокультурную сферы. Данное обстоятельство породило в западной аналитической литературе широкую полемику по поводу оценки и видения перспектив сращивания стратегий информатизации общества и внедрения неолиберальных экономических программ. Речь идет о принципиальной полемике по вопросу об определении статуса данного процесса в его утопической или дистопической перспективе. Понятия «утопия» и «дистопия» используются для описания возможных следствий для кардинальной трансформации общества в следующих направлениях:

1. утопическая перспектива: информатизация как ожидаемое усиление социальной интеграции, экономическое развитие и технологический прогресс, согласованность и координация общественных действий, исключаящих конфликтность.

2. дистопическая перспектива: информатизация чревата установлением изощренных форм социальных санкций и ограничений, формированием нового цифрового неравенства с соответствующей технологической иерархией (проблема доступа), возможность тотальной системы слежения и контроля со стороны государства, наднациональных и надгосударственных институтов и корпораций.

В данном случае конструкт «информационное общество» может быть оценен и рассмотрен как актуальная метафора современного социально-экономического развития современной цивилизации. А значит, феномен цифровой революции предстает как характерная черта более широкого процесса технологической трансформации, за фасадом которого могут быть обнаружены разноплановые идеологии, порой далеко отстающие друг от друга: постколониальные и посткоммунистические программы, техноориентализм, киберколониализм и т. д.

Действительно, «современность» в её многомерной воплощённости вряд ли может быть рассмотрена вне её информационной, коммуникативной и медиальной характеристик. Информационная революция, реализуемая, в том числе, и на обыденном технологическом уровне, причудливым образом становится образом рождения новых актуальных модернизационных стратегий, в том числе, и в России. На информационные технологии, в частности, и конструирование информационного общества вообще возлагаются, по сути, эсхатологические ожидания, связанные с радикальной модернизацией и положительной трансформацией социальной реальности как таковой.

Именно информационные технологии и информационное общество рассматриваются как условие и сила, способные реализовать триумфальное воплощение неолиберального сценария с его верой в доминирование рациональности, новационности, экономической и политической либеральности, открывающими возможность для неограниченного производственного роста и, соответственно, увеличивающейся динамики потребления.

Если взглянуть на данную ситуацию, не принимая во внимание декламации успехов и достижений, приписываемых цифровой революции, то можно констатировать: мы являемся сегодня современниками становления очередной версии утопического проекта, порожденного западной культурной традицией. Проекта, ориентированного на поддержание социальных надежд и иллюзий по поводу возможности всестороннего преобразования общества, его оптимизацию и совершенствование, которые станут результатом внедрения и доминирования информационных технологий и информации, как таковой, в социальной сфере.

Те надежды и ожидания, которые возлагаются на плоды информатизации общества и его компьютеризацию, те выгоды и удобства, которые составляют декорацию оформляющейся диджикратии, те иллюзии и эффекты, которые наполняют пространство медиальной реальности должны стать пространством анализа утверждающейся и принимающей вполне реальные очертания новой цифровой утопии.

Описательные возможности данного конструкта настолько широки, что способны при соответствующем подходе вместить в себя неолиберальные идеологии, постколониальные и посткоммунистические панацеи, модернизационные, технологические и инновационные проекты, глобализаторские и контрглобализаторские стратегии.

Понимание и осмысление революционного развития в сфере коммуникационных технологий и их воздействие на социально-политическую, культурную и экономическую сферу общества, породило в западной академической среде широкую дискуссию¹⁶. В основе этой дискуссии лежит анализ и рассмотрение оценки и характеристики, формирования информационного общества, в его утопической и дистопической перспективе. Именно обращение к подобной жестко поляризированной форме интерпретации позволяет наиболее отчетливо и широко рассмотреть пути становления общества знания. Обращение к жанру утопии и дистопии здесь вполне логично, так как именно в данную жанровую канву укладываются характерные дискурсивные стратегии, создаваемые вокруг данной дискуссии. Связывая идею модернизации и преобразование общества с идеей распространения информационной революции, США, Япония, ЕС и другие страны претендуют на обладание собственной модели информационного общества, а, следовательно, наполняют и связывают данную модель с определенными социальными ожиданиями и иллюзиями. «Сегодня практически каждая страна транслирует некую форму информационной политики или делает попытку позиционировать себя как информационное общество¹⁷».

Эта ситуация не может не породить реакции в виде критической аналитики, для которой использование утопической и дистопической жанровой специфики будет являться наиболее приемлемой. «Повышенное внимание к информации как трансформационному ресурсу позволяет рассматривать информационное общество сквозь его социальные, культурные и экономические формы воздействия (Д.Белл, И.Масуда, Н.Негропонте, Э.Тоффлер, А.Тюрэн). Эта дискуссия имеет тенденцию занять доминирующее место в форме поляризации утопических и дистопических представлений*».

Заключение. Представленные концептуальные характеристики технологической версии современных утопических представлений, форм их репрезентации в современной культуре на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и «цифровой утопии» демонстрируют очевидность возможности нестандартных, альтернативных и разновекторных подходов к исследованию феномена утопического. Эта возможность реализуется в рамках отказа от жёсткой привязанности только к историческим, литературным и социально-политическим интерпретациям утопического, ставших в начале XXI века тривиальными и общими риторическими констатациями. Взамен этого предлагается обращение к широкой объяснительной, аналитической и интерпретативной перспективе, заключенной в разнообразии теоретических установок актуальных гуманитарных исследований.

Обращение к технологической версии утопических представлений (техноутопии) на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и «цифровой утопии» является закономерным и необходимым, так как выявление модусов социальных феноменов в их связи с воображаемыми мирами утопического открывает возможность описать социокультурную реальность через категории возможного, желаемого и ожидаемого.

Список литературы

1. Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. Oxford: Blackwell. 1987;
2. Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/63>
3. Bauman Z. Utopia with no Topos// History of the Human Sciences, 2003, №16:// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/11>
4. Lassman P. Political Theory as Utopia// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/49>
5. Davis, J. C. Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing 1516–1700, Cambridge: Cambridge University Press, 1981

*Д.Белл, И.Масуда, З. Бжезинский, Н.Негропонте, Э.Тоффлер, А.Тюрэн, В 1985 г. Й. Масуда публикует свою знаменитую статью «Гипотезы о возникновении человека интеллектуального». Маклюэн, Маршалл. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: "Ника-Центр", 2004. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский: "Канон -пресс-Ц", "Кучково поле", 2003. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 286. Мартин У.Дж. Информационное общество. М., 1989. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.

¹⁷ Moore, N. Confucius or Capitalism? Policies for an Information Society. London: Routledge. 1998.

6. Utopia and organization. Ed. By Martin Parker. Blackwell publisher. 2002.
7. Gilder G.F. Telecosm: How Infinite Bandwidth Will Revolutionize Our World. N.Y.: Free Press, 2000
8. Кевин Келли. Новая Экономика. Мир без технологий. <http://kevinkellyeconomy.blogspot.com/2009/03/kevin-kelly-mir-bez-tehnologiy-chast-1.html>;
9. Кевин Келли. Новые правила для новой экономики. Двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире Знание-Сила. №4, 1998
10. Gendron, Bernard. Technology and the Human Condition. St.Martin's Press. 1977//http://en.wikipedia.org/wiki/Technological_utopianism#cite_note-Gendron_1977-10;
11. Bostrom, N. Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy, Routledge, 2002
12. Ettinger R. C. W. Man into superman; the startling potential of human evolution—and how to be part of it. New York: St. Martin Press, 1972 <http://www.cryonics.org/contents2.html>
13. Hanson R. Burning the cosmic commons: evolutionary strategies for interstellar colonization, 1998 <http://hanson.gmu.edu/filluniv.pdf>
14. Vita-More N. Transhumanist arts statement, 2002, <http://www.transhumanist.biz/transart.htm>
15. Pere Gallardo Torrano. The body as utopia: Gattaca, by Andrew Niccol (1997) – Spaces of Utopia, 2007 pp. 45-98 // www.ler.letras.up.pt
16. Moore, N. Confucius or Capitalism? Policies for an Information Society. London: Routledge. 1998
17. Ian Goodwin, Steve Spittle. The European Union and the information society: Discourse, power and policy. //New Media Society 2002; 4, <http://nms.sagepub.com>

TECHNOLOGICAL UTOPIA AND FORMS OF ITS REPRESENTATION IN CONTEMPORARY CULTURE: TECHNO-PROGRESSIVISM, TRANSHUMANISM AND DIGITAL UTOPIA

T.B. MEDVEDEVA

South Federal University

e-mail: hmellmaya@mail.ru

The article analyzes the perspectives for the consideration of the phenomenon of utopia in its diverse social and cultural scenarios and forms of representation, in particular, the technological version of the modern utopian ideas. The paper discusses the forms of representation in contemporary culture by the example of techno-progressivism, transhumanism and the digital utopia.

Key words: utopia, ideal society, transhumanism, digital utopia, techno utopia.